

Перед самым отъездом господин Мэр получил очередной щедрый подарок от того самого Анонима.

[Превосходящий эспер из Франции. Потерял память, сейчас обретается в вашем лагере для беженцев, таскает кирпичи вместе с остальными.] *От: Анонимный пользователь*

[Прикрепленный файл: Артюр Рембо. JPEG] *От: Анонимный пользователь*

У мэра защемило в груди, а сердце совершило дикий кульбит. Сочетание слов «превосходящий эспер» и «таскает кирпичи» не сулило ничего хорошего.

И тут же прилетело вдогонку:

[Ах да, местонахождение его напарника, тоже превосходящего эспера, неизвестно.] *От: Анонимный пользователь*

Отправив эти сообщения, Аль-Хайтам без лишних раздумий заблокировал мэра, избавив себя от неминуемой лавины панических расспросов.

Мэр же, сорвавшись с места, лично помчался проверять информацию. Стоило ему увидеть дрожащего от холода француза, который послушно перетаскивал тяжести с помощью своей эсперской способности, как перед глазами у градоначальника потемнело.

Кажется, он только что стал первым человеком в истории, заставившим превосходящего эспера работать разнорабочим на стройке.

После долгих и мучительных раздумий мэр принял единственное верное решение: продать информацию Специальному отделу по делам эсперов, а заодно и самого «чернорабочего» доставить прямо к их порогу.

«В конце концов, одарённые теперь в их ведении, тем более заграничные» — рассудил он.

Такие щедрые подарки не по чину — подавишься, не успев проглотить, и дня через два протянешь ноги.

С прагматичностью у господина Мэра всё было в порядке. Утром он забрал француза из лагеря, а уже после полудня сдал его с рук на руки тайной службе, умудрившись при этом содрать с них кругленькую сумму за посредничество.

Сотрудники Специального отдела никак не ожидали, что живой «товар», предложенный мэром, окажется превосходящим эспером. К тому же всю подноготную градоначальник раскрыл не сразу — приберёг самое сладкое на потом, приказав секретарю отправить

оставшиеся сведения лишь после того, как сам скроется из виду.

Лишившийся памяти превосходящий эспер — лакомый кусок. Кое-кто в ведомстве тут же загорелся идеей промыть бедняге мозги и прибрать его к рукам. Однако пыл интриганов мгновенно угас, стоило им прочесть приписку о том, что где-то поблизости бродит его напарник равной силы, чей след затерялся.

Попробуешь подчинить такого — и за ним явится не только грозный соратник, но и разгневанная Франция с её неисчерпаемыми ресурсами одарённых.

Оставить всё как есть — тоже безумие. Мужчина походил на часовую бомбу: если к нему вернётся память и он осознает, как с ним обращались, быть беде. Разъярённый эспер такого масштаба сотрёт в порошок не то что Специальный отдел — весь островной регион взлетит на воздух.

— Тьфу, пропасть... — пробормотал действующий глава ведомства.

Он и подумать не мог, что на склоне лет ему придётся столкнуться с подобной грязной подставой.

— Верните его во Францию, — распорядился он после тяжёлых раздумий.

Это решение далось нелегко, но лучше уж вернуть ценный кадр на родину и выгадать на этом политические дивиденды, чем жить как на пороховой бочке.

Так господин Артюр Рембо, переходя из рук в руки, в конце концов благополучно пересёк океан и вернулся на родину.

Что же касается того, как он поступит, когда к нему вернётся память и как он преподнесёт историю с Верленом своему руководству, — это оставалось исключительно на его усмотрение.

В доме появился самый настоящий ребёнок.

Малыш не понимал ни слова, разговаривать не умел и целыми днями ползал по комнатам, отчаянно суча ручонками. Домашние, наблюдая за его хаотичными перемещениями со смесью страха и умиления, первым делом нацепили на его локти и коленки мягкие защитные щитки.

— А разве говорить учатся не сами? — недоумевал Сатору Годзё, держа Чую Накахару на руках и со смесью искреннего непонимания разглядывая лепечущего карапуза. — Зачем его вообще учить?

Чуя ещё совершенно не умел управляться со своей эсперской способностью. Стоило ему увлечься ползанием, как он внезапно взмывал в воздух и шмякался о потолок.

Годзё, как самый прыткий, то и дело подскакивал, ловил левитирующего младенца за шиворот, притягивал к себе и бесцеремонно тискал его за пухлые щёки.

Малыш не капризничал. Он лишь поворачивал голову и умильно улыбался Сатору, отчего тот кривился ещё сильнее, хоть и не выпускал его из рук.

— Обычные дети развиваются постепенно: сначала просто слушают, потом пытаются подражать звукам, — терпеливо объяснила Акико, собирая непослушные вихры Чуи в забавный хвостик своей любимой яркой резинкой. — А этот кроха и вовсе только-только обрёл самосознание. Ты ведь у нас всё видишь насквозь, так почему не расшифруешь, чего он хочет?

Она с лукавой усмешкой посмотрела на Сатору.

— «Шесть глаз» — это тебе не чтение мыслей, — пробурчал Годзё.

Впервые в жизни он неохотно признал, что его великий дар имеет свои пределы.

Сюдзи Цусима держался от этой кутерьмы на почтительном расстоянии. Его лицо выражало глубочайший скептицизм: в памяти услужливо всплывали развивающие детские передачи, которые крутил Кавех. Слюнявые, капризные монстры, способные разнести половину квартала, а потом горько разрыдаться от обиды...

«Какая несусветная жуть» — подумал он.

Сюдзи попятился ещё на пару шагов, вжимаясь в самый угол комнаты. Он настороженно следил за вознёй у дивана, готовый в любую секунду дать дёру.

Заметив его манёвр, весёлая компания тут же переглянулась. Сатору и Акико, хищно улыбаясь, двинулись прямо на него, вознамерившись во что бы то ни стало всучить младенца Сюдзи.

Появление Чуи стало для здешней детворы настоящим потрясением. С подобными экземплярами им сталкиваться ещё не приходилось.

Физически мальчик выглядел лет на шесть-восемь, но его психологический возраст едва дотягивал до нуля. Настоящий парадокс.

Сами же юные обитатели дома по уровню развития давно обогнали многих взрослых. Привыкнуть к такому братишке им было непросто — ведь их обычные игры и разговоры крутились вокруг охоты на проклятых существ, планов по устранению старых мандаринов из

верхушки магов и анатомических подробностей вскрытия человеческого тела.

Конечно, они прекрасно понимали, что насилие, интриги и кровь — не лучшая пища для неокрепшего ума Чуи, поэтому при нём старательно держали язык за зубами.

В результате несчастный ребёнок оказался завален горой наспех скупленных развивающих книг, а старшие по очереди примеряли на себя роль воспитателей.

Обязанности педагога распределили честно: дежурили по одному дню. Стоило очередному «учителю» запутаться в объяснениях элементарных вещей, как за его спиной тут же выстраивалась группа поддержки. Зрители грызли сладости, шумно комментировали происходящее, отпускали колкие шуточки, и в итоге занятие неизменно превращалось в общую весёлую потасовку.

В каком-то смысле Чуя невольно стал главным хранителем семейного очага.

Когда же малыш наконец заговорил, всё перевернулось с ног на голову. А всё потому, что первыми его словами стали несмелые, но жутко милые «братик» и «сестричка».

Ну кто устоит перед маленьким ангелом, который прилетает к тебе по воздуху, обнимает за шею, преданно заглядывает в лицо огромными голубыми глазами и изо всех сил пытается помочь?

Акико честно призналась, что её оборона пала первой. Теперь она души не чаяла в мальчишке и часами напролёт разглядывала с ним яркие книжки с картинками.

Сатору во всеуслышание объявил Чую своим протеже и пообещал, что, когда тот подрастёт, они вместе пойдут крушить старых мандаринов.

Сюдзи, убедившись, что новоиспечённый братец хоть и глуповат, зато послушен и не доставляет хлопот, снисходительно согласился терпеть его присутствие.

А Ранпо Эдогава безумно радовался личному летающему помощнику. Он то и дело пересказывал Чую раскрытые им дела, усердно вбивая в детскую голову мысль о том, что Великий Ранпо — лучший детектив во вселенной.

Среди четырёх ярких лидеров с непростыми характерами появился безответный, ласковый ребёнок. И как бы старшие ни напускали на себя суровость, в глубине души каждый из них искренне привязался к маленькому Чую.

Ещё один новый жилец, Сакуносукэ Ода, прижился без лишнего шума. Он тихо сидел за учебниками вместе с Акико, осваивая школьную программу.

Когда Ранпо, Сатору или Сюдзи начинали нести свою обычную высокопарную околесицу, Одасаку просто молча кивал и невозмутимо соглашался:

— Угу.

Этим троим гениям всё равно нужен был не собеседник, а благодарные уши. Понимает ли их визави — дело десятое.

Для эксцентричных умников, у которых в головах крутились тысячи мыслей, такое простодушное, спокойное поддакивание Оды действовало как бальзам на душу.

К тому же Сакуносукэ оказался на удивление надёжным парнем. Он ухитрялся гасить в зародыше регулярные потасовки этой неуправляемой троицы и зорко следил за тем, чтобы они не таскали тайком сладости перед обедом.

В доме незаметно появился третий негласный родитель — в дополнение к Аль-Хайтаму и Кавеху.

Единственное, что вызывало у Оды искренние затруднения, — это его робкие попытки заняться писательством.

Разговоры об этом шли уже больше месяца, но на бумагу так и не легло ни строчки. В конце концов остальные потеряли терпение.

— Просто начни! — Сатору в сердцах хлопнул ладонью по столу, искренне не понимая, как можно так долго телиться. — Пока не напишешь хоть что-то, не поймёшь, о чём твоя книга!

Сам Годзё привык действовать импульсивно: захотел — сделал. Концепция творческих мук и прокрастинации была ему чужда.

— Напиши хоть словечко, Одасаку, — лениво протянул Сюдзи, распластавшись на соседнем столе и заворожённо наблюдая за неподвижным кончиком пера. — Мне же страшно любопытно.

— И чур, Великий Ранпо прочитает это первым! — безапелляционно заявил Эдогава, вертя в руках затейливую деревянную головоломку, которую Кавех смастерил ему на досуге.

Под перекрёстным огнём у Оды выступил холодный пот. Слегка подрагивающими пальцами он наконец вывел первую строчку:

* «Стоял погожий солнечный день...»*

Каким бы незатейливым ни казалось начало, под дружным натиском трёх сорванцов лёд тронулся. Одасаку начал писать.

Поистине знаменательное событие.

— А я-то думал, они будут притираться друг к другу вечность, — вздохнул Кавех, обессиленно падая на диван после тяжёлого рабочего дня. — Собрать под одной крышей столько упрямцев и обойтись без разрушений — это же настоящее чудо.

Он искренне поражался царившей в доме гармонии.

— Просто у нас появились два отличных противовеса, — отозвался Аль-Хайтам.

Он даже не повёл бровью в сторону творившегося в гостиной кавардака. Пусть себе носятся хоть под потолком, когда придёт время ужина — всё равно послушно усядутся за стол.

Пока плюсы перевешивали минусы, вмешиваться он не планировал.

Избыток ума порой мешает жить. Когда в доме полно гениев, каждый из которых держит камень за пазухой и строит собственные планы, они неизбежно начинают сталкиваться лбами.

Появление кого-то простого и искреннего заставило этих маленьких заговорщиков раскрыться. Они просто не могли устоять перед чистой, лишённой всякой корысти заботой о своём благополучии.

— Вроде бы совсем недавно здесь обжились, а у нас уже такая огромная семья, — Кавех принялся загибать пальцы. — Сначала появились Сатору и Сюдзи, потом, где-то через полгода, мы забрали Акико. Ранпо родители и вовсе доставили лично, прямо под дверь. А Чую с Одасаку мы приютили, пока тебя не было.

Сейчас Кавех превращался в аранару разве что по ночам, так что днём он без проблем справлялся со всеми домашними делами и присмотром за оравой детей.

— Как думаешь... когда мы вернёмся домой? — тихо спросил Кавех.

В его голосе сквозила грусть. Он безумно тосковал по друзьям из Сумеру, но и мысль о том, чтобы оставить здешних воспитанников, ранила сердце.

— Всему своё время, — спокойно ответил Аль-Хайтам. — Час ещё не пришёл, да и Система молчит.

— И то правда, — вздохнул Кавех, стараясь прогнать тоскливые думы.

Ему безумно хотелось увидеть, какими вырастут эти дети, но и родные края, где он прожил больше двадцати лет, звали обратно. Мучительный выбор, над которым сейчас не имело смысла ломать голову. Пусть всё течёт своим чередом.

Аль-Хайтам замер, его пальцы на мгновение зависли над раскрытой страницей. Он медленно опустил глаза, скрывая тень сомнения.

Кто бы мог подумать, что он — человек, привыкший всегда оставаться холодным наблюдателем, — тоже однажды познает горечь возможного расставания.

<http://bllate.org/book/18256/1755679>